

СЕРИЯ «ДЕТЕКТИВ*КА»

18+

ДВОИЦА

МАКСИМ СОНИН

ДЕТЕКТИВ*КА

Максим Сонин

Двоица

«Popcorn books»

2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

Сонин М. К.

Двоица / М. К. Сонин — «Popcorn books»,
2021 — (ДЕТЕКТИВ*КА)

ISBN 978-5-6045889-6-3

Шестнадцатилетняя Мишка Миронова с детства любила книги о сыщиках и теперь сама стала детективкой. Сотрудничая с полицией, она одно за другим раскрывает сложные преступления, однако в этот раз ей достается расследование не из легких: под поездом в метро погибает девушка, смерть которой на первый взгляд кажется несчастным случаем... «Двоица» – первая часть новой детективной трилогии Максима Сонины, авторки романа «Письма до полуночи».

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

ISBN 978-5-6045889-6-3

© Сонин М. К., 2021
© Popcorn books, 2021

Содержание

Пролог	6
Глава первая	11
Глава вторая	18
Глава третья	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Максим Сонин

Двоица

Popcorn Books, 2021

Cover Art © 2021 by Dan Funderburgh

© Максим Сонин, 2021

© Издание, оформление

Пролог

Раскинувшийся на востоке Москвы завод «Арма» вымер, изжаренный палящими лучами августовского солнца. Раскаленный, режущий кожу воздух размывал липнувший к подошвам асфальт и блестящие бронзовые крыши. Казалось, будто земля покрылась безвкусным, прозрачным потом и с трудом пытается выдохнуть через забитые поры подземных переходов.

Посередине центрального заводского переуллка замерла одинокая бездомная кошка. Ее шерсть вздыбилась, застыла пучками еловых иголок. Кошка сделала шаг к зданию, на кирпичном боку которого висел большой синий квадрат с рифленой цифрой 2, и только тут заметила, что улица совсем не пуста. По редким темным углам прятались люди: они выползали из здания, чтобы покурить и отдохнуть от коллег. На часах под огромной цифрой стрелка только перевалила за два и теперь медленно скользила к трем.

Под часами, плаваясь даже в тени, курили двое полицейских. Один, младший по званию, с нездоровым цветом лица, объяснял другому, тронутому сединой:

– Пойми, я его не защищаю, но и ты должен понимать, что система совершила ошибку. Человек не должен сидеть в тюрьме за чужие грехи.

Седой, которому не было еще и тридцати, был внутренне согласен с напарником, но чувствовал, что опыт и ранняя, в отца, седина требуют от него высказать авторитетную, а значит, более верную позицию.

– Не скажи, Слава. Ведь в итоге он совершил преступление, бесспорное, убийство. Значит, система просто сработала на опережение, – сказал седой и посмотрел на наручные часы. Черная головка минутной стрелки уперлась в двойку. До обеденного перерыва в конторке «Система» оставалось пять минут.

Молодой хотел что-то еще сказать, но заметил время на часах и промолчал. Чтобы чем-нибудь себя занять, попытался взглянуть в тень здания номер три, которое прикрывало улицу полотняным навесом. Там из асфальта вырастала невысокая терраса, изрезанная деревянными скамейками. Людей на скамейках не было, потому что до них нужно было пересечь белую полосу солнечного света.

Стеклянная дверь в стене здания номер два хлопнула, выпустила на улицу девушку-дизайнера. Ее профессия читалась и в солнечных очках с толстой белой оправой, и в широких, будто бы полиэтиленовых штанах, хлопающих при каждом шаге, и в том, с какой уверенностью она пересекла край тени, направляясь к скамейкам.

Девушку звали Вероника, и она считала себя скорее продюсером, чем дизайнером, но если дизайн приносил деньги, то музыка, клипы и рисунки пока оставались любимым хобби. В резюме Вероники, которое она раз в две недели вывешивала в фейсбук, первой строчкой значился именно «дизайн».

Вероника села на скамейку, с которой открывался вид на вход здания номер два и гигантский циферблат. Часы Веронике были не нужны, она собиралась вернуться в офис гораздо раньше окончания обеденного перерыва, но огромные черные цифры всегда привлекали ее внимание. Особенно цифра пять, которую хотелось назвать даже не «бюджетной», а прям-таки «дешевой». Автор часов как будто сдался на полпути, и цифры начиная с пятерки были толще и заметно стандартнее единицы, двойки, тройки и четверки. Вероника лениво думала о том, что, пока большие контракты достаются таким идиотам, она всегда с легкостью сможет найти работу.

Вероника вдохновлялась тем, что в мире еще есть несовершенства, которые она могла бы исправить. Ее не привлекала оригинальность, потому что среди ее друзей было слишком много тех, кто хотел сделать, создать или написать что-то «оригинальное». Все они витали в идеалистических облаках, которые надымили в девяностые трубы сибирских металлургических заво-

дов. Проку от этого дыма было мало. Веронике хотелось улучшать, доводить до конца, достигать совершенства. Не придумывать, а реализовывать.

Она достала из поясной сумки пачку «Собрания» и несколько секунд разминала в пальцах тонкую сигарету. Бумага липла, и Вероника с неудовольствием заметила, что вспотела. Все-таки жара стояла невыносимая.

– Вероника? – спросил кто-то со стороны водосточной трубы. Вероника оглянулась и увидела фигурку, которая отделилась от стены и направилась к ее скамейке. Это была молодая девушка, почти девочка, довольно странно одетая. Кроме светлых джинсов и заправленной в них клетчатой рубашки, на незнакомке была красная зимняя жилетка с большими карманами на груди, которая делала ее похожей на лондонскую телефонную будку.

– Простите, я вас не помню, – сказала Вероника. На вечеринках, куда Веронике иногда приглашали подидеить знакомые, лица сменялись с невероятной скоростью. Тем более она не помнила по имени всех, с кем в разные моменты курила на этой самой скамейке: в зданиях бывшего завода располагалось несколько десятков контор, в которых работали бесконечно похожие друг на друга парни и девушки.

– Мы не знакомы, – сказала девушка, садясь на скамейку. Между ней и Вероникой осталось довольно много места, и Вероника вдруг подумала, что сейчас девушка достанет из маленького рюкзака коробку шахмат. Вместо этого незнакомка положила на желтые деревянные сжатый кулак. Несколько секунд ничего не происходило, потом кулак разжался, и Вероника увидела потерянный бронзовый ключ.

– Что это? – спросила она.

– Ключ, – сказала незнакомка. Она снова сжала кулак, потрясла им и чуть наклонила голову, будто пытаясь рассмотреть Вероникин подбородок.

– Мириам, – сказала она наконец.

На самом деле друзья с детства звали девушку Мишкой. Имя Мириам досталось ей вместе с фамилией Файнберг от отца, Бориса Александровича Файнберга, который всего через три месяца после Мишкиного рождения уехал с девятнадцатилетней любовницей в Тель-Авив. В четырнадцать лет Мишка поменяла фамилию на Миронову, девичью фамилию матери, и окончательно стала Мишкой, потому что представляться кому-либо Мириам Мироновой было бы просто глупо. Дурацкое имя Мишка вспоминала только тогда, когда нужно было произвести впечатление на собеседника, – не говорить же ментам и вот таким девушкам-дизайнерам: «Здравствуйте, меня зовут Мишка».

Представляясь, Мишка протянула Веронике левую руку. Та не смутилась, крепко сжала Мишкину ладонь.

– Вы из полиции? – спросила Вероника.

– Нет, просто заинтересованное лицо, – сказала Мишка. Она видела полицейских возле циферблата боковым зрением. Еще двое должны были стоять за углом.

– Что вас заинтересовало? – спросила Вероника.

– Расскажите, пожалуйста, о том, что случилось у вас в квартире десятого числа этого месяца, – попросила Мишка. Она устроилась поудобнее и приготовилась слушать.

– Я уже столько раз рассказала все полиции, что вы хотите услышать? – Вероника улыбнулась. Девочка, а Вероника уже решила, что перед ней скорее девочка, чем девушка, ей понравилась. В ее смешной, совсем не летней одежде было что-то домашнее, экстернатское. Будто бы ее одевала старая няня, заставшая еще революцию. На узком запястье Мириам среди кожаных браслетов сверкнул серебряный крестик.

– Ну расскажите еще раз, пожалуйста, – попросила Мишка. Она снова показала Веронике ключ.

Вероника вздохнула и сказала:

– Я поняла. Вас нанял мой отец. Хорошо, я расскажу все еще раз.

Мишка уже слышала эту историю от своего друга Вани. Именно Ванин пистолет нашли полицейские в руке мертвого Гриши Самойлова.

Вероника рассказывала хорошо заученный текст, и слушать его было скучно. Если бы Мишке нужно было кратко пересказать случившееся, например для «Медузы» или ПиС, она написала бы так:

Десятого мая две тысячи восемнадцатого года студентка МГУ Женя (имена не изменены. – Прим. Мишки Мироновой) сидела в своей комнате и готовилась к паре по лингвистике. В соседней комнате ее соседка Вероника монтировала рекламный ролик для одного известного московского пиар-агентства. В наушниках играли повторяющиеся кусочки рекламного джингла. Студенческая идиллия – недорогая и просторная квартира, в которой у каждого свой уголок и есть куда пригласить друзей. Счастье и спокойствие, которым так часто не хватает места в современной Москве. То же говорят о подругах и знакомые: «Счастливые студентки. Всем бы хотелось жить так, не парясь о жилье. Может, и учились бы тогда лучше, а не как в нашей общаге», – рассказал редакции студент Б.

Вероника работала и не обращала внимания на звуки, доносившиеся из комнаты подруги. Возможно, она думала, что та смотрит фильм ужасов, а может быть, и не слышала ничего из-за музыки в наушниках. Но когда в соседней комнате раздался выстрел, Вероника вскочила и бросилась к двери. Та оказалась заперта, как выяснится, ключом, который обычно валялся на столике в прихожей. Позже следователи найдут его в кармане третьего участника этой истории, Григория. Вероника, еще не зная, что случилось что-то непоправимое, позвала подругу, а когда та не ответила, попыталась открыть дверь силой. Замок не поддался. Вероника позвонила Жене и услышала телефон в соседней комнате. Никто не подходил. Несколько минут спустя Вероника позвонила в полицию.

«Мы вскрыли дверь в квартиру, там было еще две двери из прихожей и коридор на кухню. Слева дверь в комнату была распахнута, там лежал Григорий, пистолет было сразу видно в руке. На кровати еще было видно девушку», – описывает страшную картину оперативник.

Тут Мишка улыбнулась, потому что у нее в голове дядя Сережа, следовательно, говорил всегда проще и как-то развязнее, чем в жизни.

– Вы что-то сказали? – спросила Вероника.

– Нет, продолжайте, – сказала Мишка.

– Я услышала, что в коридоре что-то сломалось, и позвала на помощь. Почти сразу мне в дверь постучали, а когда я отошла, полицейский выбил дверь и меня выпустили, – сказала Вероника.

– Вы видели тела? – спросила Мишка.

– Почти нет. Женя лежала на кровати, а Гриша на полу, – сказала Вероника.

– Мне очень жаль, что вам пришлось это увидеть. Давайте я сейчас восстановлю всю картину преступления, а вы скажете, если я где-то ошиблась, хорошо? – сказала Мишка. Вероника устало кивнула. – Ваш друг Гриша встречался с Женей. По какой-то причине он решил убить ее. Она его бросила? Он пришел в вашу с Женей квартиру, скорее всего, Женя его впустила. Гриша взял со столика в прихожей ключ, запер вашу дверь, полагаясь на то, что второй ключ не у вас, а у Жени. Он просто не хотел, чтобы вы ему помешали. После этого пошел к Жене и ударил ее в затылок рукоятью пистолета. Потом еще и еще, пока не стало ясно, что она умерла. После этого он застрелился. Так? – Мишка рукой подвела под сказанным черту.

Вероника кивнула.

– Вы не знаете, откуда он мог взять пистолет?

– Нет. – Вероника пожала плечами. – Купил, наверное.

Мишка покивала, потом чуть приподнялась.

– Вы сказали, что меня нанял ваш отец. Это неправда. Ко мне обратился ваш друг, который сказал, что в прошлые выходные вы с Женей и Гришей были у него в гостях и он, ваш друг, показывал вам пистолет, который с большим трудом купил для своей коллекции всякого армейского барахла. После вашего прихода пистолет пропал.

– Почему он не обратился в полицию? – спросила Вероника.

– С заявлением о пропаже огнестрельного оружия? Это срок, – сказала Мишка. – А интереснее то, почему вы не сказали полиции, откуда мог взяться пистолет. Защищали друга?

– Я не знаю, о чем вы, и не хочу больше с вами разговаривать. – Вероника поднялась.

– Еще секундочку. – Мишка цепко ухватила ее за запястье. – Я расспросила ваших друзей и знакомых. Все говорят, что никаких причин для ненависти к Жене у Гриши не было. Наоборот, их отношения все считали идеальными, насколько это возможно в современной Москве. Наверное, обидно, когда у вашей соседки получается то, что не получилось у вас?

Вероника вырвалась и, гордо приподняв голову, направилась к дверям здания номер два.

– Пойдите, – позвала Мишка, но было поздно. Полицейские, которые, казалось, дремали под гигантским циферблатом, ожили и пошли навстречу Веронике. Они не спешили, надеясь, что девушка успеет дойти до линии тени. Выходить на солнце им явно не хотелось.

Мишка не рассказала Веронике главного – как из подозрительной свидетельницы Вероника стала серьезной подозреваемой. То, что Вероника знала про пистолет, на суде ничего бы не значило, даже если бы это удалось доказать. Но после того как Мишке написал Вероникин друг, тот самый, у которого пропал пистолет, Мишка попыталась выстроить новую картину преступления.

Сперва она не думала, что Вероника совершила убийство, скорее подозревала в ней большую осведомленность. Мишка опросила друзей и сокурсников убитых – все в один голос утверждали, что Женя и Гриша были счастливой парой. Мишка отказалась от основы следствия – идеи о виновности Гриши. Тогда получалось, что Вероника украла у друга пистолет, забила насмерть Женю и – и тут становилось понятно, почему убийца не стал стрелять в Женю. Ведь если убийцей был Гриша, он мог бы застрелить свою девушку, а потом застрелиться сам. Веронике же нельзя было создавать много шума, потому что Гриша еще только должен был войти в квартиру. Видимо, Вероника точно знала время его прихода и убила подругу за несколько минут до этого. Потом пустила Гришу в квартиру, провела его в Женину комнату и, когда он в ужасе застыл перед кроватью, выстрелила ему в висок. После этого Вероника вложила пистолет ему в руку, в карман засунула ключи, вернулась в свою комнату, заперла ее изнутри и надела наушники. Ей оставалось только вызвать полицию.

С этой версией событий была всего одна проблема: оба ключа от комнаты оказались снаружи запертой двери. Один – в Гришином кармане, другой – на кольце с ключами в Жениной сумочке. Значит, Вероника сделала дубликат, подумала Мишка. Дальнейшее было просто. Вооружившись фотографией Вероники, взятой с ее страницы во вконтакте, и фотографией ключа, полученной от дяди Сережи, Мишка прошла по всем мастерским соответствующего профиля в районе пятиэтажки, в которой жили Женя и Вероника. В третьей же мастерской бородатый мужик не только опознал Веронику, но и вынес со склада еще один дубликат, сделанный про запас. Именно его Мишка и показала Веронике в начале разговора.

После того как Вероникино алиби оказалось разбито, следствие провело новую экспертизу, чтобы установить, могла ли Вероника совершить убийство в соответствии с Мишкиными предположениями. Оказалось, могла. На ключе в Гришином кармане нашли микроскопическую каплю крови и Вероникины отпечатки пальцев. Гришиных отпечатков на ключе не было.

Мишка даже немного расстроилась: убийца оказалась неряшливая, глупая и невнимательная. Вот и теперь, вышагивая по раскаленной плитке, Вероника, казалось, не замечала два черных силуэта на своем пути.

Мишка вздохнула и отвернулась. Вероника была ей неприятна.

Глава первая

Адриан снял с себя мирское и прошелся по квартире так, нагишом. Мелкая лежала на кровати, спала, руки ее дрожали. Брат еще не вернулся.

Смотреть на голую девочку было приятно, хоть и нехорошо. Такой она нравилась Адриану больше всего – беспомощной, тихо бредящей. Если бы не отцовские наставления, Адриан бы уже давно прогнал ее брата и жил бы с мелкой вдвоем, но отцовский закон полагалось блюсти. Адриан посмотрел на икону, висевшую над кроватью, и пробормотал тихую молитву:

О великая Христова угодница, преподобная мати Марие! Услыши недостойную молитву мою, грешного Адриана, прикрой, преподобная мати, очи Христа Господа Бога моего, честь ему и поклонение.

Закончил уже совсем скомканно, потому что хотелось поскорее присесть к мелкой. Опустился на кровать, почувствовал в простынях пот. Ладонь положил на вытянутую ногу, провел по мокрой коже. Мелкая задрожала сильнее, открыла на мгновение глаза и снова провалилась в сон. Адриан довел палец до девочкиного бедра, постучал по выпирающей кости. Христос, а Адриан всегда его чувствовал, отвернулся, дозволил. Рука скользнула выше, и Адриану пришлось пересест поближе, чтобы потрогать грудь мелкой. Уже собирался ударить ладонью по белой коже, но тут мелкая что-то пробормотала, попыталась перевернуться на спину. Адриан нагнулся к ее лицу, поцеловал в щеку. Что-то она там говорила тихо. Молилась, наверное.

Мишкина бабушка, Екатерина Наумовна Файнберг, говорила, что Бог дает человеку или страдания, или смерть. Мишкиному дедушке Бог назначил умереть, и дедушка умер, не дожив до тридцати лет. Екатерине Наумовне Бог прописал страдания, и со смерти мужа до рождения внуки в ее жизни не было ни одного счастливого дня. Даже долгожданная женитьба единственного сына оказалась омрачена недобрым предчувствием, потому что Екатерина Наумовна хорошо знала своего Боря и не верила в его семейную жизнь. Лишь когда глупо улыбающаяся невестка Мария дала новоиспеченной бабушке подержать сверток с хорошим именем Мириам, Екатерина поняла, что отведенные на ее жизнь Богом страдания закончились. Для нее началась новая жизнь.

Во-первых, от единственного сына Екатерина благополучно отказалась даже раньше, чем он променял российскую жару на израильскую. Она не стала вычеркивать его из завещания, но перестала принимать у себя дома, что было в семье страшнейшим наказанием. Какие бы конфликты ни разрывали многочисленных Файнбергов и подвластных им Фурманов и Мионовых, дом Екатерины Наумовны оставался нейтральной полосой и тихой гаванью, в которой каждый находил покой и прощение. Может быть, и Боря мог бы вернуть любовь и уважение матери, но для этого было необходимо обзавестись хотя бы одним из уважаемых ею качеств, а это требовало усилий, в то время как Тель-Авив ни о чем таком Боря не просил. Об изгнании Боря не жалел и по матери не скучал.

В семье изгнание чаще всего объяснялось разводом Бори и Марии, но, конечно, Екатерина Наумовна не стала бы отречься от сына из-за такой мелочи. Многочисленные разводы Фурманов не мешали им приходить к Екатерине Наумовне на пятничные ужины и семейные празднования вечно меняющимися составами, а скандальный дядя Саша, почти каждый год появлявшийся на можайской даче с новой пассией, считался екатерининским любимцем.

Боря же всегда был непутевым мальчиком, но главным его свойством, которое в конце концов и сподвигло Екатерину на столь серьезные санкции, была бессовестность, граничившая с подлостью. Когда Миша Фурман отказался прописывать в своей московской квартире вторую жену, он не скрывал причины – совершенного нежелания с этой квартирой расставаться.

Третьей Мишиной жене это показалось очень умным (что тем не менее не помешало ей обидеться до слез на то, что и ее Миша отказался прописывать в этой же самой квартире пару лет спустя). Несмотря на все эти пертурбации и Миша, и две его жены, вторая и третья (первая уехала в Канаду еще в девяностые), часто и иногда попарно оказывались за тяжелым дубовым столом, который занимал большую часть екатерининской гостиной.

Боря же не предупредил жену о своем отъезде в Израиль. Боря не предупредил маму об отъезде в Израиль. А до этого дважды, также без предупреждения, пропускал празднования Нового года, ссылаясь после на несуществующую работу. В школе Боря обманывал учителей и одноклассников, сдавал других и никогда ни в чем не был виноват.

Иногда в нем ощущалась прямо-таки патологическая ненависть к принесению извинений или признанию вины. Он с легкостью давал обещания, которые не мог сдержать; забывал про дни рождения, крестины и поминки, а после придумывал все более невероятные отговорки. Последней каплей стало данное матери обещание назвать дочку именем его собственной бабушки – Ирины. Боря не только пообещал матери имя, но даже позвонил из роддома и сказал, что дочка благополучно названа.

Позже, узнав от Марии, что ребенка назвали красивым, но совершенно иным именем, Екатерина Наумовна позвонила сыну и попросила объяснений. Боря сказал, что на имени в последний момент настояла жена. Представить себе, что интеллигентная Маша Миронова, дочка Светланы и Георгия Мироновых, могла предложить, а тем более настоять на том, чтобы назвать дочку Мириам, Екатерина Наумовна не могла. Ничего не ответив, она повесила трубку – это был ее последний разговор с сыном.

К Боре был послан парламентарий – скандальный дядя Саша, который и сообщил, что Боря более не будет приглашен в дом к матриарху. То же ограничение распространялось и на можайскую дачу. Боря сперва попытался ответить – запретил жене возить дочку к бабушке, – но вскоре случился отъезд в Израиль, и Мария снова стала бывать у Екатерины Наумовны.

Сперва Мария оставляла дочку у бабушки раз в месяц на пару часов. Потом – раз в две недели. Когда Мишке исполнилось два года, она стала проводить у бабушки выходные. Ее первым словом стало бабушкино имя: «Катерина». Вторым – «стол». Все в доме бабушки строилось вокруг стола: на нем расставлялись цветы и тарелки, за ним Мишка десять лет делала уроки, за ним на новеньком ноутбуке, подарке мамы и дяди Миши, Мишка впервые посмотрела «Стальные кольца» – сериал, который стал для нее вторым толчком в сторону криминалистики. Первым толчком были рассказы маминого брата, дяди Сережи, который работал следователем в московской полиции и часто бывал в гостях у Екатерины Наумовны.

Эти два человека, бабушка Екатерина и дядя Сережа, стали для маленькой Мишки маяками мудрости и спокойствия в безумном океане московской жизни. Бабушка учила Мишку, которую, единственная из всей семьи, называла Мирочкой, тому, что всем в мире управляет Бог, а в каждой отдельной жизни Бог – это сам человек. Дядя Сережа учил, что Бога в мире давно не видно и его место занимает временный управляющий – Уголовный кодекс.

В самом начале их общения дядя Сережа и бабушка Екатерина относились друг к другу с осторожностью. Сережа был в семье человек новый, брат жены непутевого Бореньки. Его работа для клана Файнбергов была необычной: вместо искусства (как Мария, Миша и все его жены, их дети и остальные Фурманы) или на худой конец программирования (как дядя Саша) он занимался уголовным розыском, работал в московской полиции. Сережа говорил чуть «проще», чем дядя Миша (хотя никто, кроме Екатерины Наумовны, этого не замечал), и единственный позволял себе иногда отвечать отказом на ее приглашения, ссылаясь на работу. Впрочем, справедливая Екатерина Наумовна прощала ему эти прогулы, потому что Сережа был единственным членом семьи, у которого имелись строгий график и не менее строгое начальство.

Со временем быстро взбирающийся по званиям Сережа стал бывать у Екатерины чаще, а когда Мишке исполнилось восемь лет, стал захаживать почти каждую неделю. Он любил свою работу и никогда не стеснялся о ней рассказывать, а Мишка, после того как бабушка зародила в ней образовательный интерес, всегда внимательно его слушала. В такие моменты Екатерина Наумовна уходила на кухню заваривать чай и долго звенела чашками. Она считала, что хуже девочке от рассказов дяди не станет, а может, что-то у нее в голове и перещелкнет.

Екатерина Наумовна и сама не сидела сложа руки. В свободное время она решила дать Мишке воспитание, которое ей не удалось подарить Боре. Мишке как раз исполнилось шесть лет и она должна была пойти в первый класс, когда Мария Миронова окончательно определилась со своими жизненными планами, вступила в арт-группу «ТА-РАН» и уехала на восьмимесячные гастроли по Европе и городам Золотого кольца. Дочку она со спокойной душой оставила бабушке, понимая, что так будет лучше для всех. Вряд ли на пользу ребенку могли пойти ночи на парижских улицах или в суздальской КПЗ. Бабушка не возражала: ей представился шанс снова почувствовать себя матерью.

Мишка была пухленьким и ленивым ребенком. Больше всего ей нравилось рисовать пальцами, а потом, когда она подросла, играть на семиструнной дедушкиной гитаре со странной надписью на грифе: «Губер-Кабаевск 72.23». Мишка ложилась на шершавый ковер в гостиной, клала рядом гитару и раз за разом дергала одну и ту же пятую струну.

Бабушка заглядывала в комнату, качала головой и шла на кухню, где в большом шкафу, упирающемся стенкой в холодильник, хранились ее любимые книги. За месяц, пока шестилетняя первоклассница Мишка играла на пятой струне, прерываясь только на еду, школу и сон, Екатерина Наумовна перечитала «Мастера и Маргариту», «Тихий Дон», «Войну и мир», «Идиота», «Преступление и наказание» и полное собрание сочинений Чехова. Именно на этих книгах воспитывался Боря. Когда пятая струна порвалась, Мишка перешла на четвертую, а бабушка взялась за «Сагу о Форсайтах», «Миддлмарч» и творчество Максима Горького. Эти книги любил покойный дедушка Александр.

Когда лопнула четвертая струна, Мишка спокойно взялась за шестую, а бабушка принялась за новую литературу. Из Центрального дома книги она попросила дядю Сашу привезти десяток детективных романов. Сама Екатерина Наумовна таких книг раньше не читала и поэтому совершенно в них не разбиралась.

За краткую жизнь шестой струны Екатерина Наумовна перезнакомилась с Эрклеом Пуаро, мисс Марпл, отцом Брауном, Шерлоком Холмсом, Иоанной, Ниро Вульфом, Огюстом Дюпеном и Раминой Браммом. Приготовившись таким образом, она забрала у Мишки гитару и вручила ей новенькую книжку – «Стальные кольца» Эсфирь Аир.

– Читай, – сказала Екатерина Наумовна.

Мишка послушно принялась читать вслух: *«Глава первая, в которой Рамина получает письмо. Утром, а утро в городке наступало поздно, разве что не после обеда, Рамина проснулся и, еще не разомкнув глаз, улыбнулся солнцу, поскольку жизнь показалась ему прекраснее клубничного мармелада, намазанного на свежий кусок деревенского хлеба. До убийства почтальона Жерара оставалось всего четыре часа...»*

Екатерина Наумовна сидела на кухне с чашкой чая и внимательно вслушивалась в Мишкин шепот. Мишка читала вслух часами, тихо, чтобы не сорвать голос, который после первых ста страниц «Стальных колец» хрипел несколько дней. «Стальные кольца», «Берега голубых озер», «Последнее лето птиц», «Закат рябин» и «Маски прошлых зим» Мишка осилила за два месяца. Потом ее голос стих: Мишка стала читать про себя, и дело пошло быстрее. Екатерина Наумовна правильно рассудила, что начинать воспитание девочки нужно было именно с детективов: после десятка романов Аир Мишка переключилась на Стаута. На нижней полке кухонного шкафа ее ожидало «Имя розы» Эко. Екатерина Наумовна надеялась, что к лету внучке можно будет подсунуть Достоевского.

Мишка читала с большим удовольствием, потому что за «музыкальную» осень, под звон старых струн, которые каждый день приходилось заново подтягивать, чтобы они издавали хоть какой-то звук, у нее в голове образовалась большая пустота, которую нужно было чем-то заполнить. Лежа на ковре, Мишка задавалась простым вопросом: почему папа бросил ее сразу, когда она родилась, а мама – только когда ей исполнилось шесть лет? Про то, что мама ее бросила, Мишка знала из подслушанного взрослого разговора.

Екатерина Наумовна думала, что Мишка уже заснула, и поэтому решила расспросить дядю Сережу о путешествии Марии.

– Не вернется она, я думаю, – сказал Сережа. Дальше Мишка слушать не стала: зачем? С мамой все было ясно.

В Мишкиной голове папа уехал в город Тель-Авив, а значит, мама должна была сделать что-то похожее. Перед глазами все время стояло странное «Губер-Кабаевск», и как-то так вышло, что мама уехала именно туда. Мишка представляла себе северный город, в котором собираются разные неудавшиеся художники и актеры. Северный, потому что дядя Сережа однажды назвал маму «отмороженной», а неудавшиеся, потому что дядя Миша, известный и успешный (как говорила Екатерина Наумовна) художник, жил в Москве и Лондоне, но не в Губер-Кабаевске. За месяцы игры на гитаре Мишка успела придумать целый мир вокруг этого городка, хотя ей, конечно, не приходило в голову, что она что-то придумывает. Ей казалось, что картинки у нее в голове складываются из рассказов взрослых и собственных воспоминаний: что-то говорили Екатерина Наумовна и дядя Сережа, что-то Мишка помнила из раннего детства.

Чем больше представляла себе Мишка, тем больше картинки противоречили друг другу. То мама жила в квартире, то в палатке, то ночевала у друзей или родственников, то на улице. Названия – Будапешт, Киев, Суздаль, Новгород, Рублевка – звучали все время разные, Губер-Кабаевск же никогда не назывался, из чего Мишка заключила, что слово это неприличное. Еще дважды от мамы приходили письма, и в обоих она просила у Екатерины Наумовны денег, что было странно, потому что Мишка считала, что в Губер-Кабаевске деньгами не пользуются. Это предположение, по всей видимости, взялось из какой-то сказки, которую мама рассказывала ей еще во время совместной жизни. Чем больше становилось картинок, тем труднее было удержать их в голове и, главное, поверить в то, что все они правдивые.

Когда бабушка подсунула Мишке «Стальные кольца» Эсфирь Аир, город Губер-Кабаевск как раз начал рушиться под давлением неоспоримых фактов. Мама внезапно навестила Москву и даже забежала на пару часов к Екатерине Наумовне и Мишке, у которых как раз сидел дядя Сережа, и ни разу за это время не упомянула своего пребывания в Губер-Кабаевске. По ее рассказу выходило, что она не сидела на месте, а все время куда-то ехала, шла или добиралась.

Мама предупредила, что уедет еще на полгода и постарается писать письма, но ничего не обещает, потому что на Камчатке, а она ехала на Камчатку, может не быть почтового отделения. Тут дядя Сережа засмеялся и впервые на Мишкиной памяти прямо сказал сестре, что она слишком много выдумывает.

– Почта сейчас и в джунглях есть, а с Камчатки можно звонить хоть каждый день, – сказал дядя Сережа. Мама вспыхнула, но тут же нашлась.

– Мы будем все время в лесу, далеко от города, – сказала она. Губер-Кабаевск исчез, распался на отдельные слова и фразочки. В образовавшуюся пустоту Мишка поместила приключения Рамины Браммы. Потом в ее жизни было много сыщиков: и элегантный шовинист Эраст Петрович Фандорин, и прогрессивная шведка Лисбет Саландер, – но именно француз, а точнее араб, воспитанный во Франции, Рамина Брамма, стал для Мишки Сыщиком с большой буквы «Сы».

Сначала это было просто красивое имя. Потом Мишка наткнулась в интернете на форум, посвященный книгам Аир, а оттуда попала на фикбук, где существовало целое сообщество фанатов Брамма.

Русские фанаты книг Аир называли себя рамбрами, калькируя название более обширного англоязычного фандома *ea rambram*. Они рисовали любимого сыщика и его немногочисленных платонических партнеров, писали фанфики и обменивались конспирологическими теориями. Как вскоре выяснила Мишка, большинство рамбравов не читало книги про Брамма, а смотрело британский сериал восьмидесятых годов и его ремейк начала двухтысячных. Сериал назывался «Стальные кольца» и, по мнению Мишки, сильно проигрывал книгам. Тем не менее на заставке ее телефона и теперь, десять лет спустя, стоял кадр из последней серии первого сезона «СК»: Рамина, хромая, шел вверх по узкой улочке замшелого французского городка.

Именно на эту картинку смотрела Мишка, пока Вероника разговаривала с полицейскими. Когда они повели Веронику к припаркованной за углом машине, Мишка встала и направилась к метро. Ей предстояло доехать до «Водного стадиона», где находился Митрохинский онкологический центр. Именно там с конца июня жила бабушка Екатерина.

Пробуждение, как обычно, было малоприятным. Раскиданные простыни липли к телу, а во рту чувствовался неприятный металлический привкус, как будто Соня напилась крови. Она встала, медленно, пытаясь размять тяжелые со сна руки. Тело слушалось с трудом, шло дрожью. Нужно было одеться и поехать в «Стулья», но перед этим сходить в душ и привести себя в порядок.

«Вершик? Адриан?» – хотела позвать Соня, но сухое горло отказалось звучать. Тогда Соня беззвучно пробормотала короткую молитву:

Помоги терпеть мне, Господи.

Ей сразу стало лучше. Голова прояснилась.

– Вершик? – позвала Соня, но квартира ответила молчанием. – Адриан?

Ни брата, ни духовника ей видеть не хотелось, но, если они были в квартире, пришлось бы одеваться еще в комнате, натягивать на потное тело белую сорочку. Появляться перед сожителями нагой было совершенно нехорошо. Она и спать собиралась в одежде, но с таким ужасом представила себе вечернее раздевание, липкое, гадкое, что в конце концов решила, что Бог ее простит, если кто-то из мужчин увидит ее спящей.

После душа Соня подобрала на кухне телефон, чтобы проверить теле- и инстаграм. Последний показывал несколько новых лайков, что было странно, потому что Соня туда давно ничего не выкладывала. Она открыла собственную ленту и увидела новый пост, свой пост – фотографию Кати. Соня точно ее не выкладывала. Соня даже не делала этой фотографии и никогда ее не видела.

В голове тут же закружилось очень много мыслей, как случалось каждый раз, когда приходилось быстро перестроиться с духовного на земное. От мыслей о наготе было трудно мгновенно перейти к размышлениям о Кате.

С ней Соня познакомилась почти случайно, через «Стулья». Это была хорошая девочка, хотя и не без проблем и странностей. Приятная, образованная, из сложной семьи. Соня умела мгновенно считывать по человеку класс и статус – именно поэтому ее отправили в Москву.

Телефон звякнул сообщением в телеграме. Писал Вершик: «Катя упала под поезд метро».

Соня опустила телефон на кухонный стол. Нужно было что-то делать, срочно. Кто мог выложить пост? Только Вершик или Адриан. Или нет. Зачем? Это сделал кто-то из них, из тех людей, которые хотели им помешать. Отец много раз говорил Соне, что доверять нельзя никому, кроме братьев и сестер, а она взяла и доверилась этой обычной девочке. Наслушалась ее глупостей. Нужно было сказать Адриану, что в квартире побывал кто-то чужой, взял ее

телефон, выложил туда фотографию, чтобы она знала, что скоро их всех найдут и вот так же скинут под поезд. Но почему этот чужой не мог и ее убить? Ведь он же был в квартире? Голова заболела, и Соня снова стала читать молитву. *Господь мой, убереги и дай силы...* Христос, как всегда, дал быстрый ответ: надо написать Артему и попросить помощи. Потом она все расскажет духовнику, а пока нужно попытаться разобраться самой, потому что Бог помогает тем, кто помогает себе.

Мишка села в первый вагон из центра и тут же достала телефон: ей хотелось поскорее взяться за новое дело. Она открыла «Лабиринт» и быстро просмотрела отфильтрованные входящие. Две кражи, одна измена и одно сообщение со странной темой – «Необъяснимое самоубийство».

Мишка занималась расследованиями давно и еще в начале своей карьеры поняла, что нужно выстроить канал связи, по которому к ней смогут поступать просьбы о помощи. Обычная почта не подходила, потому что там не было возможности нормально сортировать письма. Тогда Мишка обратилась к своему другу Никите, который хорошо разбирался в компьютерах и телефонах, и Никита предложил ей использовать «Лабиринт». В этом приложении, внешне похожем на все остальные мессенджеры, Мишка смогла с Никитиной помощью настроить алгоритм, который задавал любому обратившемуся несколько вопросов и, только получив положительные ответы, направлял заявки Мишке во входящие.

Сперва алгоритм спрашивал, почему заявитель не обратился в полицию, и предупреждал, что Мишка находится в постоянном контакте с несколькими следователями из московской полиции. Потом, если заявитель не разрывал контакт после первого вопроса, спрашивал, знает ли он участников преступления лично. Мишка не рассматривала дела, о которых сообщали лица, не знакомые с ситуацией из первых рук. Если и на этот вопрос человек отвечал положительно, алгоритм спрашивал, есть ли у него какие-то доказательства совершения преступления. Мишка иногда, по просьбе знакомого, могла взяться за дело, в котором не имелось никаких улик, но к ее «Лабиринту» имели доступ совершенно случайные люди, а ввязываться в историю, где ей придется искать, например, чемодан денег, о существовании которого известно только со слов его «хозяина», Мишке не хотелось.

Первое дело о краже оказалось именно таким: на третий вопрос алгоритма человек, зарегистрированный в «Лабиринте» под ником *hohel*, сказал, что имеет «точные данные о похищении бабушкиного кольца», а в пояснении написал, что «семейную реликвию было запрещено фоткать», поэтому опознать ее может только он сам. Алгоритм, видимо, смутила малограмотность *hohel*-а, и он побоялся не пускать его к Мишке. Со спокойной душой Мишка отправила мошенника в спам.

Вторая кража была настоящая, с доказательствами, но неинтересная. У студентки МГУ украли ноутбук, и она предполагала, что Мишка воспользуется своими связями, чтобы найти компьютер на подпольных московских рынках. Мишка посоветовала ей пройтись по общежитию и посмотреть, нет ли ноутбука у кого-то из знакомых. В ответ студентка обиженно промолчала.

Изменами Мишка обыкновенно не занималась, но в этом ключе алгоритм был пока недоработан. Молодой человек, скрывающийся за ником *pushkinjr*, писал, что его девушка связалась с каким-то Владиком из другой группы, но не признаёт этого. Сперва Мишка хотела молча отправить его в спам, но потом сжалась и скинула ссылку на телеграм-канал «Любовь и я», в котором какая-то студентка филфака раскладывала по полочкам все возможные проблемы современных отношений. Пушкину явно нужен был терапевт, а не детективка.

Последнее непрочитанное сообщение во входящих выглядело так: «Здравствуйте, меня зовут Софья. Вас мне посоветовал друг, АС-2, сказал, что вы поймете. У меня случилась странная история, и я не знаю, что мне делать. Моя однокурсница и подруга, Катя, сегодня упала под

поезд метро. На станции „Кропоткинская“, около двух часов дня, вы можете это загуглить. Я в это время была на занятиях в университете, на семинаре по лингвистике. Это важно, у меня не было с собой телефона. Я считала, что забыла его дома, на зарядке. Когда я пришла домой, телефон лежал на кухонном столе. Видимо, его кто-то брал, потому что у меня в инстаграме появилась фотография, которую я не выкладывала. Более того, я ее не делала. Я прикрепляю ее к сообщению. Девушка – Катя, а руку я опознать не могу. АС-2 сказал, что вы помогаете тайно, не делаясь информацией с полицией».

Мишка прервала чтение и загрузила фотографию, скриншот поста из инстаграма. На квадратном снимке была изображена девушка в черной кофте, тянущая руку к камере в стиле *«follow me»*. Посередине фотографии ее пальцы встречались с рукой фотографа. Девушка улыбалась, тянула фотографа к раскрытым дверям вагона метро. Мишка присмотрелась к плитке, определила станцию – «Библиотека имени Ленина». Внешность у девушки была незапоминающаяся: волосы русые, длинные; глаза, кажется, карие; губы и нос не выпирающие, обычные. Мишкиным вниманием завладела рука фотографа. Тонкая, скорее женская, незагорелая. На запястье – черный акриловый браслет. Закончив изучать фотографию, Мишка дочитала сообщение: «Я скрыла фотографию из общего доступа, но она осталась у меня в архиве. Я с удовольствием встречусь с вами, чтобы рассказать все что могу. Вам, наверное, захочется узнать, кто имел доступ к моей квартире, – список я вам предоставлю. Спасибо, Софья».

«Какая умная, – подумала Мишка, шурясь. – А почему ей не пришло в голову, что украсть могли не телефон, а только аккаунт?»

Все же было интересно. Мишка ответила Софье: «Давайте встретимся, завтра в десять утра, если вы можете, на Китай-городе в переходе, где музыканты. Я буду в красной жилетке, спутать сложно».

Кроме того что в «Лабиринте» наступило затишье, был еще один важный аргумент в пользу того, чтобы хотя бы поговорить с этой Софьей. АС-2. Арт Псков, студент и друг семьи, ученик дяди Миши, художник. Цифра «2» указывала на то, что в их обмене помощью очередь остановилась на Мишке. Сперва она помогла Пскову с раскрытием сложной коррупционной схемы приемной комиссии, которая никак не хотела брать его в вуз, несмотря на рекомендацию все того же дяди Миши. Потом Арт помог Мишке с опознанием нескольких рисунков в деле об убийстве студийной модели. И вот теперь он решил призвать ее на помощь этой Софье. Если бы Арт не считал дело стоящим, то не стал бы давать свой позывной, а просто скинул бы Софье ссылку на Мишкин «Лабиринт».

Софья ответила почти сразу: «Спасибо большое, буду».

Мишка вздохнула и убрала телефон. До «Водного стадиона» оставалось две остановки, и ей нужно было подготовиться.

Глава вторая

Вершик еле-еле признал Адриана, которого почти всегда видел дома, где духовник одевался иначе. Сейчас на нем были черная рубашка с коротким рукавом и такие же черные джинсы. Под темной бородой виднелась серебряная цепочка. Вместо домашнего креста, тяжелого, на духовнике был маленький серебряный крестик, который иногда поблескивал в вырезе рубашки. Сам Вершик был одет неброско: обычные, чуть потертые джинсы и футболка с застиранным принтом.

– Ну все. – Адриан помахал незажженной сигаретой. – Я теперь поеду в Обитель, а тебе оставляю Москву. Твой будет город, пока временно, а там, может, и благоволение дадут, сделаем тебе лик.

Вершик только кивал, слушая духовника. Он был уверен, что благоволение будет получено, потому что, кроме него, никто на этот гнилой удел не претендовал. Да и Адриан вроде бы его за все простил, а значит, мог замолвить слово. Вершик чувствовал, что телефон в кармане вибрирует звонком, но не хотел перебивать наставника и терпел. Терпение ему всегда давалось легко.

«Хипстер, – думал Вершик, продолжая разглядывать наряд духовника. – Образ с плаката в молельне. Только без бублика на голове. Почему? Волосы пока не отросли».

Плакаты в молельне были красивые, завораживающие. Их полагалось рассматривать и разбирать по частям: почему человек так одет? о чем он думал, когда выбирал одежду? как он будет себя вести? Земных людей было нетрудно узнать – но трудно понять. Для этого требовалось изучить все хитросплетения их характеров и желаний.

Вершик хорошо запомнил одно задание, которое ему дал отец на уроке английского языка:

Девушка тушит сигарету о бордюр и, внимательно глядя по сторонам, идет через улицу к церкви. У входа ее ждет подруга с футляром от скрипки в левой руке. Подруга не видит девушку, потому что стоит к ней спиной и читает объявления на стенде перед входом в церковь.

Полагалось пересказать текст на английском, добавив описание одежды обеих героинь. Именно выполняя это задание, Вершик впервые ощутил исход в земное. Будто бы весь мир вокруг сделался прозрачным, а под ним проступило все то, что он выучил на уроках. Вершик смотрел на двух девушек сверху вниз и отчетливо видел их простые мысли, неуклюжие отношения и наивные заблуждения. Потом уже он посмотрел один сериал, в котором персонаж мог обменять половину своей жизни на то, чтобы узнать истинное имя другого человека. «Очень похоже, – подумал Вершик, глядя на плоский экран, вмонтированный в стену молельни. – Вот что значит исходить в мир».

В юности Екатерина Наумовна Файнберг возвышалась над сверстниками, и даже теперь, неподвижная и спеленатая, она казалась слишком большой для больничной койки. Во сне она напоминала выброшенного на берег кита, легкие которого медленно проваливаются под собственным весом. Она уже не поднималась и говорила очень тихо, так что Мишке приходилось сидеть возле самой подушки. Из-за многочисленных приборов и капельниц туда нельзя было поставить табуретку, поэтому Мишка стояла на коленях, упираясь грудью в металлический бортик. Бабушка говорила о своих планах на ближайшее будущее.

– Я хочу пересказать тебе свое завещание, Мирочка, чтобы, если со мной что-то случится, тебя нельзя было обмануть. Я оставлю можайскую дачу Саше и Мише, поделю поровну и еще куски отдам Марише, Катеньке и Марии, чтобы им не пришлось в голову ее продать. Марии еще

останутся деньги. Еще останется Боре, совсем по мелочи. Это для того, чтобы он не предъявил прав на квартиру. Квартира целиком достанется тебе. Думаю, ты могла бы сдавать комнату – на эти деньги можно жить. Я говорила с Сережей, он будет за тобой приглядывать и помогать, если что. – Екатерина Наумовна замолчала. Ее грудь вздымалась медленно, словно прорываясь через прохладный воздух палаты. Мишка закусила губу, чтобы не заплакать. Бабушке бы это не понравилось. – Я хочу, чтобы ты устроила прием для семьи в пятницу. Думаю, Боря еще не прилетит, но даже если прилетит, его звать не нужно. Не нужно и пускать, если он надумает прийти, – сказала Екатерина Наумовна.

Мишка очень хотела спросить, отпустят ли врачи бабушку, чтобы и она могла всех пови-
дать, но вместо этого сказала:

– Поняла. А кого позвать?

Екатерина Наумовна задумалась. Даже лежа в больнице, она продолжала отслеживать географические перемещения всех членов своей обширной семьи.

– Вот как, – сказала она наконец. – Ира сейчас в Израиле. Она, наверное, приедет на похороны. Тогда ее позвать нужно будет обязательно, телефон возьмешь у Саши. Сашу позови вместе с Пашей и Лешей, и пусть будет один. Мишу с Катенькой, Маришей и Шурой. Сергея...

Мишке все было ясно, хотя очень хотелось записать список в телефон. Этого делать было нельзя, потому что бабушка всегда держала все в голове и не поощряла вспомогательных инструментов. Ира Фурман, названная в честь Мишкиной прабабушки, – племянница Екатерины Наумовны, дочка ее старшей сестры Елизаветы. Она давно жила в Израиле, еще с начала девяностых, но Екатерина Наумовна так к этому и не привыкла. Дядю Сашу нужно позвать с сыновьями – Лешей и Пашей, – но без его пассий. Дядю Мишу позвать вместе с третьей женой и дочками, Маришей от нынешнего брака и Шурой от предыдущего. В списке отсутствовала Ирочка, вторая жена дяди Миши, с которой бабушка поддерживала хорошие отношения, но которую, видимо, не считала частью семьи. Также бабушка не упомянула родителей мамы, Светлану и Георгия, о которых и Мишка бы не вспомнила, если бы не перебрала в голове всех своих родственников. Старшие Мироновы совсем не участвовали в жизни внучки, точно так же как они не участвовали до этого в жизни своей дочери.

– Хорошо, – сказала Мишка.

– Еще, – Екатерина Наумовна прикрыла глаза, – я составила списки продуктов, вон на столе. – Она моргнула, не указывая направления. – Мише скажи, чтобы принес алкоголь. И следи за ним.

Бабушка имела в виду не дядю Мишу, который обладал удивительно спокойным для художника характером, а алкоголь.

– Хорошо. – Мишка кивнула и тут же замерла. Ей показалось, что она дергается слишком резко, будто имитируя обычную бабушкину подвижность. Екатерина Наумовна попыталась повернуть голову, но ее остановила усталость. Каждое движение приходилось обменивать на несколько слов, а ей еще многое нужно было сказать Мишке.

– На антресолях есть картонная коробка, там дедушкины вещи. Разбери их. Ненужное можешь выбросить, только фотографии оставь, – сказала Екатерина Наумовна.

– Хорошо, – сказала Мишка. Она изо всех сил старалась запомнить бабушкин голос. Екатерина Наумовна говорила сухо, на выдохе выбрасывая слова. Она больше не растягивала ударные, не выжимала паузы из запятых и точек. Ее согласные стали гладкими и округлыми, будто стертymi. Мишка внезапно подумала, что больше никогда не сможет слушать мамбл-рэп, потому что ей открылся весь смысл этого музыкального жанра – предсмертный шепот человека, тонущего в собственной крови.

– Мирочка, – сказала Екатерина Наумовна. Мишке самой пришлось приписывать к хриплому слову вопросительный знак. Она несколько раз моргнула, пытаясь сфокусироваться на койке, но белый прямоугольник с подогнутыми металлическими лапами остался размытым

пятном, похожим на колорадского жука, которого зачем-то раздули гидравлическим насосом и поместили в мрачную больничную комнату, окружив проводами и стойками. Мишка провела рукой по лицу, развезла слезы по щекам.

– Я постараюсь прийти на встречу, но тебе придется всем руководить, – сказала Екатерина Наумовна.

Мишка кивнула, потом сказала:

– Хорошо.

В палату вошла медсестра и встала у дверей. Она показалась Мишке толстым березовым бревном, которое пьяный лесник прислонил к косяку.

– Иди с Богом, – сказала Екатерина Наумовна. Мишка почувствовала, что бабушка подталкивает ее к выходу, хотя та даже не пошевелилась. Ее руки скрывали простыни.

– Я завтра зайду, – сказала Мишка. Она поднялась с пола, поцеловала бабушку в лоб, схватила с тумбочки список продуктов и быстро вышла в коридор. Слезы катились ручьем, и она не сразу разглядела, что напротив двери стоит какой-то человек в халате навещающего. Он сделал шаг в ее сторону и странно развел руки, будто собираясь обнять воздух над Мишкиной головой.

– Мишка? – спросил человек.

Соня прикрыла лицо руками, но он все равно ее ударил, прямо по пальцам.

– Сейчас же ей напиши, что не придешь. – Вершик упер кулак в стену, чувствуя, что проломит сестре череп, если будет и дальше бить ее.

– Прости. – Соня сжалась на полу, с ее губы капала кровь. – Прости.

– Откуда ты вообще ее взяла? – Вершик собрал в кулак все свои силы и замер. – Почему решила написать?

– Я думала, что это они. – Соня попыталась отползти и ударила носом о плинтус. – Что приходили, пока я спала.

– Дура. – Вершик опустил на колени и положил руку Соне на плечо. – Так. Успокаивайся. Сейчас мы с этим разберемся.

Его злость была вызвана не глупостью сестры, про которую он всегда знал, а тем, что эта глупость решила проявить себя в самый неподходящий момент, как раз когда Адриан уехал из Москвы. Но, уже успокоившись, Вершик понял, что это всего лишь еще одно испытание, которое нужно вытерпеть, пережить. Духовник оставил ему Москву – вот теперь полагалось иметь дело с Москвой.

– Расскажи про эту Мишку. – Вершик обнял сестру, положил ее голову себе на колени. – И про Артема этого расскажи.

– Что? – Мишка протерла глаза и всмотрелась в расплывающееся лицо. Голос был неприятно знакомый, и она бы сразу его узнала, если бы не думала о другом. Посреди больничного коридора, сгорбившись и по-вратарски расставив руки, стоял Борис Александрович Файнберг.

Мишка отступила и протерла глаза еще раз, теперь уже пытаясь скрыть слезы. Ей совсем не хотелось плакать на глазах у отца.

– Можно к ней? – спросил Борис Александрович. Мишка промолчала. Она с удивлением и страхом рассматривала лицо, которое в последний раз видела вживую пять лет назад. Потом было несколько разговоров по скайпу, но веб-камера плохо передавала старение. Борис Александрович похудел, его темные волосы поредели, но он все никак не решался побриться наголо. Костюм, поверх которого он набросил халат, висел и был стерт в локтях. Складывалось ощущение, что Борис Александрович прилетел не из Тель-Авива, а из Мурманска, до которого добирался несколько часов маршруткой. Пыльный и помятый, отец казался беженцем из восьмидесятых. Мишка дернулась перекреститься, но решила, что это будет слишком явным про-

явлением неуважения, и вместо этого протянула отцу ладонь. Он осторожно сжал ее и сразу же отпустил.

– Мне пора, – сказала Мишка и, не дожидаясь ответа, пошла по коридору в сторону лестницы.

Уже выйдя из больницы, она остановилась и попыталась успокоиться. Идти в метро с мокрым от слез лицом не хотелось. Мишка поморгала, потерла щеки, чтобы они покраснели. Тогда заплаканные глаза будут меньше выделяться.

Она достала телефон, включила камеру и минуту внимательно рассматривала себя, осторожно протирая остатки слез и туши левой рукой. Теперь она выглядела скорее очень уставшей, чем заплаканной. Под глазами остались темные круги, а щеки горели нездоровым румянцем. Мишка приложила руку ко лбу, к губам, чтобы проверить температуру, но не почувствовала ничего необычного. Заболеть было бы очень не вовремя.

Чтобы отвлечься, Мишка решила позвонить дяде Сереже, потому что он всегда умел поднять ей настроение. Дядя Сережа ответил сразу же и звучал напряженно, пока Мишка не сказала, что у Екатерины Наумовны все хорошо, ну, насколько это возможно. Мишке почему-то не приходило в голову, что кто-то, кроме нее, вздрагивает от каждого звонка, ожидая новостей из больницы.

За пятнадцать минут, которые у Мишки заняло дойти до метро «Водный стадион», они успели обсудить семейный сбор в пятницу, приезд Бориса Александровича и арест Вероники. Дядя Сережа как раз закончил записывать ее признания: после того как Веронике показали ключ с отпечатками пальцев и каплей крови, она сразу же созналась в двойном убийстве, подтверждая Мишкино предположение о своей никчемности. Не смогла даже нормально постоять за себя.

В метро Мишка подключилась к вайфаю, посмотрела бессмысленно долгую рекламу шампуня и написала имейл Кате и Лизе, приглашая их на семейный сбор. Миша и Саша редко проверяли почту, поэтому им Мишка собиралась позвонить, но позже. Сперва ей хотелось попасть домой.

Последние полтора месяца Мишка жила одна, но все время, каждую секунду, ожидала бабушкиного возвращения. На кухне всегда стоял полный электрический чайник, чтобы можно было моментально заварить любимый бабушкин чай – молочный улун, – который хранился в большой плетеной корзине на балконе. По вечерам Мишка сидела на кухне, читала или разбирала материалы к очередному делу и все ждала звонка в дверь. Она была уверена, что если бабушка решит выбраться из больницы, то приедет домой без предупреждения, чтобы ее никто не уговаривал остаться под надзором врачей.

Вначале Мишку расстраивало, что бабушка сразу же легла в стационар и даже не пытается выбраться домой. Вскоре, правда, стало ясно, что это никак не было связано с бабушкиными желаниями. Как всегда, Екатерина Наумовна самой первой сумела здраво оценить ситуацию: если бы она переехала в центр на неделю позже, ее пришлось бы перевозить туда на каталке. Всего за несколько дней она превратилась из крепкой, хоть и хрипло кашляющей женщины в растекающуюся китовую тушу, которая с трудом вставала с койки и говорила голосом станционных объявлений в метро, поставленных на замедленной скорости. «Следующая остановка – „Выхино“».

Мишка с ужасом смотрела на это превращение. Уже к середине июля от бабушки осталась лишь восковая фигура, отдающая бесцветным голосом распоряжения, которые раньше бабушка обязательно бы выполнила сама. Восковая фигура, которая почти не меняла позы между Мишкиными ежедневными визитами.

И все равно до сегодняшнего дня Мишке казалось, что это все временно, что скоро квартира снова станет бабушкиной, а Мишка будет просто жильцом, которому не нужно самому

узнавать, когда отключат горячую воду или когда нужно снимать показания со счетчиков. Сегодня бабушка выглядела хуже, чем раньше, а приезд отца означал, что бабушка и дядя Сережа развернули какую-то закулисную интригу, в которую не стали посвящать Мишку. Сложно было представить, что они могли сказать Боре, чтобы он прилетел в Москву. Точнее, просто: Мишка хорошо понимала, что именно ему сказали, но думать об этом не хотелось совершенно.

Чтобы отвлечься, Мишка открыла в телефоне фотографию, присланную утром. Сперва она рассмотрела ее целиком, а потом включила в редакторе функцию сетки. Фотография тут же оказалась разрезана на семьдесят восемь квадратов, которые предстояло разглядывать по отдельности. Мишка приблизила левый угол так, что на экране осталось шесть квадратов. Синяя стена вагона метро, поцарапанное стекло и несколько кусков людей. Две головы, один локоть, одна спина, один туристический рюкзак.

Когда с осмотром было покончено, Мишка перенастроила сетку, и квадратов стало в два раза меньше. Теперь нужно было не только рассмотреть каждый квадрат, но и отследить, чтобы результаты второго осмотра полностью совпали с результатами первого. Мишка не ожидала, что в фотографии обнаружится что-то важное, хотя бы потому, что если имело место преступление, то именно преступник и выложил фотографию, а преступники не делятся публично доказательствами своей вины. Тем не менее внимательный осмотр фотографии был хорошим способом настроиться на рабочий лад.

Закончив с квадратами, Мишка снова открыла фотографию целиком. Нужно было выжать из снимка как можно больше информации перед встречей со свидетелем. Мишка представляла, что играет одновременно в несколько детских игр. Во-первых, перед ней была картинка, наполненная предметами, некоторые из которых были важнее других. Эти предметы необходимо было найти.

Во-вторых, нужно было понять, что на снимке не так, как должно быть, или не так, как могло бы быть. На пальцах фотографа нет маникюра – почему? Пятнышко на внутренней стороне локтя у девушки – синяк, шрам или родинка? Могла бы девушка стоять лицом к вагону? На все эти вопросы предстояло ответить.

В-третьих, нужно было выявить отличия этого снимка от другого такого же. На антресолях у бабушки хранилась целая коробка журналов «Мурзилка», в которых встречались такие задания – две картинки, отличающиеся друг от друга в пяти или шести точках. Фотография у Мишки была всего одна, но это не мешало ей представить рядом еще одну, похожую. На выдуманной фотографии один человек вел другого в даль, держа его за руку. Не хватало двух вещей: браслета на руке фотографа и поезда метро на заднем плане. Кроме того, человек, тянущий фотографа за руку, был не любой. Девушка с темными волосами и светлой кожей. Возможно, если полагаться на показания свидетеля, погибшая девушка Катя. Также было ясно, что фотограф и девушка знакомы.

Мишка старалась не думать про обстоятельства появления фотографии – это могло помешать процессу выжимания, – но одна мысль все же успела проскочить: фотография подавалась от лица Софьи – миру через ее новостную ленту. Какой же из предметов пытался показать фотограф? Вариантов было несколько. Девушку. Себя. Свои отношения с девушкой. Отношение девушки к вагону метро. Браслет. Он будто приковывал внимание – совершенно черная черточка, пересекающая запястье потенциального убийцы. Или потенциального свидетеля убийства. Потенциального убийства.

Мишка открыла свой канал в «Лабиринте» и набрала текст обращения:

*ТП-1 0-827-181-40-00 (0) ЭММР (кр)
рок-н-ролл, Ф2-5М – ТП
маска? око? дизайн? тентакли?*

Со своими подписчиками – помощниками и коллегами – Мишка разговаривала на смеси кодов, удобных для фильтрации алгоритмами «Лабиринта», и личных терминов. Не то чтобы Мишка опасалась, что кто-то будет читать ее канал, скрытый несколькими паролями, один из которых Мишка сама вводила в телефон нового подписчика, но эти простые шифры позволяли защититься от случайных взглядов, брошенных через плечо в поезде метро. В первой строчке говорилось примерное время смерти человека и место смерти – Москва, станция метро «Кропоткинская». Во второй описывалось время, когда была сделана фотография Кати, которую Мишка прикрепила к сообщению, и указывалась предположительная причина смерти – несчастный случай.

Смерти Мишка делила по принципу «секс» – межчеловеческие отношения, «наркотики» – отношения человека с миром и «рок-н-ролл» – несчастный случай. Отсюда вырастали разнообразные гибриды, например наркотический секс – социально-политическое убийство, сексуальные наркотики – самоубийство на почве ревности и нарко-сексуальный рок-н-ролл – падение со сцены во время пропитанного экстази рейва. Серия вопросов указывала потенциальным исследователям на точки, которые интересовали Мишку: лицо девушки, личность фотографа, обстановку на фотографии и руки обоих персонажей.

Почти сразу написала ТИ-1, с которой Мишка познакомилась пару месяцев назад, когда расследовала сокрытие сексуального насилия в нескольких школах. Дело было грязное, накачать преступников не удалось. Мишка чувствовала себя виноватой перед ТИ-1 и всегда внимательно читала ее сообщения, которые чаще всего были не особенно полезными. В этот раз дело обстояло иначе.

– Телесный пластырь на локте, пудра, – написала ТИ-1. Мишка открыла фотографию и приблизила локоть девушки. Действительно, то, что она при осмотре приняла за пигментацию кожи или старый шрам, вполне могло оказаться пластырем. Следовало обратиться в полицию и запросить результаты посмертного осмотра тела. К сожалению, рассчитывать было не на что: под колесами поезда руку могло разорвать на мелкие кусочки. Тем не менее если девушку еще не похоронили, то можно было провести химический анализ и установить, принимала ли она внутривенно какие-то препараты.

Из дома Соня вышла после того, как снова приняла душ и хорошенько накрасилась. Разбитая губа саднила, и скрыть ее было невозможно, но у Сони уже была готова версия событий. Никаких падений с лестницы – после сна она случайно ударилась о косяк двери. Любому из ее друзей это должно было все объяснить. Отходняк у Двоицы такой, что еще хорошо, если отделаешься только разбитой губой. Это Соня уже привыкла, поэтому может просто встать, пойти умыться. Другим приходилось долго ворочаться, пытаясь устаканить вращающуюся комнату.

Сейчас Соне необходимо было встретиться с Ваней, чтобы подготовить его к встрече с Мишкой. Потом еще нужно было заехать в университет, договориться о том, чтобы, если там будут задавать вопросы, все отвечали, что она была на парах. Отношения с преподавателями и однокурсниками у Сони были отличные, ей всегда легко давалось общение.

После того как Вершик ее успокоил и помог отмыться, они вместе уселись за кухонный стол и стали придумывать, что делать с этой Мишкой. Отменить встречу, конечно, было нельзя – это бы наверняка усилило подозрения. Необходимо было, наоборот, успокоить детективку, показать ей, что случилось недоразумение, а еще отвести ее внимание от себя и Вершика. Вершик Соне все объяснил, и она поняла, что вела себя глупо. Нельзя, никогда нельзя привлекать земных к своей жизни, кроме как если Бог и ты имеете над ними абсолютную власть. Про фотографию Соня не поняла, только потому что недавно проснулась. Если бы подумала чуть подольше, все бы встало на места.

Мишка задумалась и чуть не пропустила свою станцию. Ей в голову пришли бабушкины слова про то, что можно сдавать комнату, чтобы было на что жить. Бабушка не понимала, что, хотя Мишка никогда не просила денег за расследования, иногда ей все же переводили небольшие суммы на кошелек. Два года назад, после дела о похищенных картинах Артеньева, хозяин известного онлайн-магазина подарил Мишке полтора биткоина, стоивших тогда около тысячи долларов. Мишка ничего не понимала в криптовалютах и сразу же передала управление кошельком Никите, который с нарочитым постоянством извещал Мишку о растущей цене ее небольшого капитала. В начале лета Мишка продала биткоины и, поскольку ее жизнь стоила очень мало, до сих пор не нуждалась в денежной помощи.

Тем не менее представить себя живущей в бабушкиной квартире в одиночестве было сложно. Даже несмотря на то что последние месяцы Мишка именно что жила в ней одна, квартира не казалась ей пустой – она будто замерла в ожидании хозяйки. Мишка знала, что, если бабушка умрет, это ощущение продержится недолго.

Когда Мишка поднималась по лестнице подземного перехода на станции «Китай-город», ей пришло сообщение от АС-2: «Я рад, что ты взялась за это дело. Катя была хорошая девочка».

«А ты сам-то встретишься со мной? Для дачи показаний?» – спросила Мишка.

«А что, приглашаешь? Я ее совсем не знал», – ответил АС-2.

«Но ты же знаешь эту Софью», – сказала Мишка.

«Да, она тоже хорошая. Давай встретимся на неделе, и я все про нее расскажу», – АС-2 отвечал быстрее, чем Мишка успевала осмыслить его предыдущий ответ.

«Хорошо», – написала Мишка и вышла из «Лабиринта». Арт был обычно очень занят, и его сообщения, а особенно желание встретиться, были неожиданными. Мишка думала, что ей придется вылавливать его в толпе у выхода из шаболовского здания Вышки и потом долго уговаривать ответить хотя бы на самые простые вопросы, а он взял и написал сам. Рамина Брамм сказал бы, что такая приятная неожиданность может иметь пренеприятные последствия, потому что, когда свидетель сам хочет что-то рассказать, это чаще всего означает, что он собирается врать.

Мишка представила себе французского сыщика таким, каким изображали его рисунки в старом, еще советском издании «Стальных колец», – в черном плаще и клетчатых шароварах, делающих его похожим на Остапа Бендера, перебравшегося-таки из Ялты в Монте-Карло. На некоторых рисунках Рамина изображался в чалме, но, хотя в книгах довольно часто упоминалось его арабское происхождение, этот головной убор никогда не указывался, из чего Мишка делала разнообразные нелестные выводы о знакомстве художника с текстом. Нигилистически настроенный Рамина никогда не стал бы носить такой яркий признак этнической принадлежности. Ему вообще было свойственно проводить большую часть времени в шелковых халатах, которые напоминали скорее о дальнем, шелковом Востоке.

Образ Рамина всегда поддерживал Мишку в трудные минуты.

«В конце реки всегда будет море, – как бы говорил сыщик. – И то, что сейчас тебя несет, без разбору кидая о камни, не значит, что так будет всегда».

«Как скажешь», – подумала Мишка. Эту же мысль можно было сказать и иначе: основные свойства любого страдания – это его иллюзорная конечность и беспросветная цикличность. Однажды река закончится и начнется море, которое, впрочем, при взгляде из космоса окажется такой же рекой.

«О некоторых берегах лучше и не знать», – сказал бы Рамина. Мишка увидела его всходящим по лесенке к мостику белой яхты, которая упиралась кормой в этот самый невидимый берег. По пряному запаху и горячему, но не яркому солнцу можно было предположить, что яхта пришвартовалась в турецком порту.

«Не знать о берегах и не видеть берегов – это не одно и то же», – сказала Мишка.

«Почему?» – Рамина склонился над пожелтевшей картой Атлантического океана. Мишка хорошо знала, что географией и историей Эсфирь Аир интересовалась мало, поэтому образ не показался ей странным.

«Потому что сложно жить иллюзией, в которую не веришь», – сказала Мишка. Она остановилась перед входной дверью и зашарила в кармане в поисках ключа.

«Подумай, было ли так всегда? Иллюзиям свойственно меняться, а жизни – нет. Если раньше тебе казалось, что море совсем близко, может быть, так и есть», – сказал Рамина.

«Ты запутался. И люди тоже меняются», – сказала Мишка.

Глава третья

Они молились всю ночь. Молились и репетировали показания. Потом Вершик лег спать, а Соня прошла на кухню и встала на колени перед маленькой иконкой, которая висела у окна, чтобы проговорить тайную молитву, над которой думала целый день:

Иисус Христос, Бог мой, прости мои прегрешения. Прости блуд и призри рабу Свою, прельщенную мирским и земным, исшедшую далее дозволенного. Сохрани в здравии моего брата Вершика, моего духовника Адриана, друга моего Ивана. Прости ему его грешения. На Твое превеликое милосердие уповаю. Пусты меня в мир, позволь не служить больше в Двоице. Даруй сладость воздержания и мирской жизни. Дай мне терпения, позволь помочь брату моему сохранить нашу миссию в тайне, а после отпусти меня, и я всю жизнь буду служить Тебе, только сама. Я от Твоего пути не отступаю и от власти Твоей не отрекаюсь и не отрекюсь, но сил больше нет, нет больше терпения. Я наставлю Ивана, верну его в Веру. И других наставлю – только сама, Господи, Бог мой. И прости мне мою молитву. В Твоей власти тело и душа мои. Как Ты повелишь, так я и поступлю.

Мишка проснулась от того, что телефон, на ночь поставленный на зарядку, упал на пол. Видимо, в темноте она положила его слишком близко к краю тумбочки.

«Смотри», – написал АС-2. Он прислал Мишке ссылку на новостную ленту ПиС. Видимо, вибрация от этих сообщений и столкнула телефон с тумбочки.

ПиС опубликовал ссылку на твит американского агрегатора SMT: «Sofia Basquiat confirmed as lead in the new adaptation of the critically acclaimed Esther Ayr novels about suave detective Rameena Bramm»¹.

«Видишь, Рамина, людям свойственно меняться», – подумала Мишка, разглядывая фотографию французской актрисы. София Баскиа, о которой Мишка никогда раньше не слышала, отлично подходила на роль сыщицы. Интересно было только, постригут ли ей волосы короче или оставят до плеч.

АС-2 заметил, что она прочитала его сообщение, и написал: «Ну что? Тебе как?»

Сначала Мишка решила не отвечать, потому что начинать утро со споров об изменении пола любимого персонажа не хотелось, но потом ей пришло в голову, что АС-2 хочет сказать о чем-то еще, но не знает, как начать разговор. Она уже настроилась на то, что ведет он себя странно, и поэтому решила заранее простить его возможные высказывания на тему голливудской погони за равенством полов.

«Мне нравится», – написала она.

«Мне, наверное, тоже», – ответил АС-2, подтверждая Мишкино предположение. Представить себе, что Арту может понравиться что-то, даже столь отдаленно связанное с феминизмом, было сложно.

«Встретимся сегодня?» – спросила Мишка. Все-таки она только проснулась и была не готова участвовать в долгих разговорах вокруг да около.

«Давай. Ты во сколько встречаешься с Соней?» – спросил АС-2. Мишка не удивилась тому, что он уже знает, что они договорились о встрече. У Арта все всегда было схвачено.

Сверившись с перепиской с Соней, Мишка написала: «В десять».

---

¹ «София Баскиа сыграет главную роль в новой адаптации романов Эсфири Аир, хорошо принятых критиками, о стильном сыщике Рамине Брамме» (англ.).

«На Китай-городе? Давай я подъеду к Дамбо к девяти тридцати, и мы быстро переговорим», – написал АС-2. Мишка посмотрела на время: восемь пятнадцать. Ей нужно было десять минут на то, чтобы встать, еще десять минут на душ и пятнадцать на завтрак.

«Хорошо», – написала она, официально переводя АС-2 в разряд свидетелей. Нельзя отказывать человеку, если он так стремится с тобой встретиться. АС-2 прислал смайлик – солнечные очки. Мишка не ответила, а вместо этого принялась за нелегкое дело пробуждения. Она включила в телефоне выпуск новостей, вышедший по московскому времени поздно ночью. Улыбчивый ведущий за несколько минут окончательно разбудил Мишку, и к сегменту о Софии Баскиа она уже встала, и, подобрав с тумбочки телефон, пошла чистить зубы. Пятнадцать минут спустя она сидела за кухонным столом и резала докторскую колбасу бабушкиным ножом.

В квартире вообще все было бабушкино. Мишка заметила это только после того, как Екатерина Наумовна переехала в онкологический центр. На стене тикали бабушкины часы – раньше их нужно было заводить ключом, но в середине двухтысячных Екатерина Наумовна отдала часы мастеру, другу дяди Саши, который заменил заводной механизм на электронный. Бабушкин холодильник чуть кренился рядом с бабушкиным книжным шкафом. Ветер трепал бабушкины занавески. Мишка приподнялась с бабушкиного стула и взяла с бабушкиного стола бабушкину солонку. Соль в ней была новая, купленная Мишкой уже после отъезда Екатерины Наумовны.

Соли Мишка насыпала слишком много, и колбасу пришлось отмывать – Мишка включила в раковине горячую воду и вдруг горько заплакала. В эту секунду она точно знала, что бабушка больше никогда не зайдет на эту кухню.

Умываясь и приводя себя в порядок, Мишка думала о том, что ежедневные поездки к бабушке заменили ей походы в церковь, а это было вредно для внутреннего равновесия. Поправила крестик на запястье, произнесла быструю и простую молитву:

Дай, Господи, сегодня легкости. Я заслужила.

Утро сразу стало светлее, и из дома Мишка вышла в приподнятом настроении. Чтобы не отвлекаться на мир вокруг, включила в наушниках «Revival» Эминема. В музыке Мишка не разбиралась совсем и слушала рэп для того, чтобы лучше разбирать английский язык. К тому же громкая музыка укрепляла боевой настрой – Мишка даже чуть-чуть подвигала руками, будто пытаясь попасть по невидимым барабанам. Потом представила себе, как это выглядит со стороны, и спрятала руки в карманы жилетки. Не потому что стеснялась – бабушка всегда учила Мишку, что стесняться нужно только Бога, – а потому что не хотела привлекать к себе лишнее внимание. Дядя Сережа уже давно говорил ей, что она недостаточно заботится о собственной безопасности и любой преступник при желании сможет выследить ее дом и квартиру.

С АС-2 Мишка собиралась встретиться возле церкви на Покровке, которую в чате обозначала как «Дамбо», из-за яркой, но не очень ясной ассоциации с розовыми слониками из старого мультфильма. Именно здесь она обычно назначала свидания друзьям и коллегам.

Арт почти не изменился с их последней встречи – только волосы покрасил. Вместо коричневых кудрей по его вытянутой голове теперь скатывались на сторону белые пряди. Его длинная фигура, согнутая буквой «Г», как бы вырастала из церковной стены и больше всего напоминала вывернутый готический контрфорс, случайно затесавшийся в московскую параславянскую реальность. Арт и в манерах напоминал иностранца: все время улыбался и пытался похлопать собеседника по плечу.

Мишка с неудовольствием отметила, что Арт не один. Рядом с ним стояла миниатюрная девушка в черном, коротком даже по летним стандартам платьице. Она курила что-то тонкое и

косилась в сторону. Если бы не возраст девушки, которая вряд ли могла быть младше Мишки, они бы напоминали отца и дочь, потому что Арт явно говорил что-то наставительное. Он не смотрел на свою собеседницу и даже не поворачивал к ней головы. Девушка несколько раз кивнула, потом покачала головой.

– Арт? – окликнула художника Мишка.

– Мишка! – Арт оторвался от стены и направился к ней. Его спутница так и осталась стоять, не поднимая головы.

«Это кто?» – хотела спросить Мишка, но Арт ее опередил.

– Это Котя, подруга Кати, – сказал он, кивая на девушку.

– Удобно, – пробормотала Мишка.

– Она случайно тут проходила, и я ее заметил, – сказал Арт.

Мишка покосилась на художника и сжала губы, чтобы он не думал, что она хотя бы на секунду ему поверила. Арт всегда отличался большой наглостью, но Мишке не всегда было понятно, для кого он так выделяется.

– Привет, – Мишка протянула девушке руку. Та ничего не ответила и испуганно посмотрела на Арта.

– Котя, скажи «привет», – попросил Арт.

– Привет, – сказала Котя и тут уже посмотрела на Мишку. – И я не Котя, я Даша.

– Котя-Котя, – задумчиво сказал Арт и вдруг резко добавил: – А я пойду, приятно было повидаться.

– Куда? – спросила Мишка.

Арт качнулся в сторону светофора, но, видимо, заметив, что красный отсчет только начался, решил, что может еще на секунду задержаться.

– Мне нужно на встречу с коллегами по цеху.

– А кто собирался со мной поговорить? – спросила Мишка.

– Котя. А я пойду. – Арт снова качнулся, но уже не стал останавливаться и так и пошел к переходу, меряя плитку журавлиными ногами.

– Эй, – позвала Мишка, но Арт только ускорил шаг. Гнаться за ним у Мишки не было никакого желания, тем более что Котя-Даша вдруг быстро заговорила:

– Я ее не убивала, честное слово. Я ее даже не видела в этот день...

– Что, простите? – переспросила Мишка. Бабушка Екатерина всегда начинала говорить медленно и подчеркнуто вежливо, когда жизнь внезапно подкидывала ей подвыпившего полицейского или взбунтовавшегося сына. Это, как и многие другие бабушкины свойства, Мишка выпитала с раннего детства.

– Вы ей скажите, что я этого не делала. Я к Кате очень хорошо относилась, даже когда она не в себе была, всегда-всегда, – быстро говорила девушка, будто соревнуясь с невидимым хронометром.

– Даша, послушайте меня внимательно, пожалуйста, – сказала Мишка. Она встала рядом с девушкой и попыталась повторить позу Арта. Говорить нужно было в сторону, так, чтобы девушке пришлось приблизиться к Мишке. – Я сейчас буду говорить что-то очень важное, хорошо? Хорошо. Слушай меня внимательно. – Мишка почувствовала движение, но не стала поворачиваться. Со свидетелем нужно говорить в привычной для него манере. – Мне нужно, чтобы ты – ты – мне все подробно рассказала, не бойся. – Мишка постаралась сделать очень серьезное выражение лица. – Все – все это очень важно, Даша, понимаешь?

Даша не ответила. Мишка повернулась и никого не увидела – свидетельница сбежала.

Вершик стоял у колонны и внимательно разглядывал Соню, которая, кажется, вообще не спала ночью. Он знал, что после того как он пошел спать, она еще молилась на кухне, но под-

слушивать за тайной молитвой было нехорошо, к тому же он знал, что она все потом расскажет на вечерней исповеди. Точно так же, как она рассказала ему, что списалась с детективкой.

Приходилось признать, что к встрече сестра готова. Она стояла всего в нескольких метрах от Вершика, рядом с памятником Ногину, и выглядела очень хорошо: популярная студентка, красавица. Даже улыбнулась какому-то парню. Если бы Вершик был не в мирском, он бы перекрестился, но в земной жизни у него совершенно не было таких привычек. Он будто превращался в другого человека, который не замечал церквей и иногда провожал взглядом развратно одетых москвичек.

С Соней Вершик поехал не потому, что не доверял ей, а потому, что хотел немного рассмотреть эту Мириам. Его контакты нарыли про нее что-то очень мутное – вроде обычная школьница, а вроде и нет. Странная девочка.

День определенно не задался, и Мишка направилась к метро в твердой уверенности, что Софья на встречу не явится. Бывает так, что все идет наперекосяк – это река жизни делает очередной поворот. Рамина бы сказал, что за поворотом всегда может оказаться море, но Мишка ему не особенно верила.

Тем не менее, пройдя через турникеты и спустившись по эскалатору, она встала на оговоренном месте и начала рассматривать людей. Особенно ее внимание привлек высокий парень в черной водолазке и черных же брюках. Он шатался без дела у самого эскалатора и периодически поглядывал на телефон. Для этого ему приходилось встряхивать рукой, чтобы высвободить ее из длинного рукава. Мишку привлекла не одежда незнакомца, а его удивительная худоба. Больше всего парень напоминал богомола, который зачем-то зашел на битниковскую распродажу. Волосы у него были коротко острижены, и на шее виднелась татуировка, которую Мишка не успела рассмотреть, потому что ее окликнули.

– Мириам? – спросила девушка, которую Мишка про себя тут же окрестила Осой, потому что на ней была длинная полосатая желто-черная футболка.

Мишка перевела взгляд на лицо Осы и чуть не вздрогнула. На нее смотрели немигающие васильковые глаза. Оса сверлила Мишку всего мгновение, а потом ее лицо расплылось в улыбке. Стали видны ровные белые зубы.

– Мириам, – повторила девушка.

– Мишка, – сказала Мишка, протягивая Осе руку. Та, как и Вероника днем раньше, не запнулась, сжала левую Мишкину руку своей правой.

– Софья, – сказала Оса. Ее пальцы дернулись вперед и коснулись Мишкиного запястья.

– Расскажите, почему мы встретились, – попросила Мишка. Она решила отложить вопросы про Арта и Котю на потом.

– Конечно, – сказала Оса. – Только давайте пройдемся. Не люблю стоять на месте.

Они поднялись по эскалатору и несколько подземных переходов спустя оказались напротив сдвоенных трамвайных путей. Все это время Оса молчала, пристально разглядывая собственные пальцы. Наконец, она махнула рукой и сказала:

– Арт говорил с вами про деньги?

– Нет, – сказала Мишка. – Он ни о чем со мной не говорил.

– Я не знаю, сколько стоят ваши услуги, – сказала Оса. – Но я и мои друзья можем, наверное, собрать довольно много денег, вам нужно только назвать сумму.

– Я обычно работаю бесплатно. Моим клиентам свойственно впоследствии помогать мне в расследованиях, – сказала Мишка.

– Арт упоминал об этом, своего рода «обещание дружбы», хорошо, – Оса пожала плечами. – Обещаю вам свою дружбу.

– Спасибо, но мы еще не начали работать вместе. Сначала вам нужно рассказать мне, что у вас случилось, – сказала Мишка.

– Хорошо. – Оса улыбнулась. – Двадцать пятого числа я была на симпозиуме в университете. Там было много людей, они могут это подтвердить. Около двух часов дня, как раз когда я была на занятиях, моя подруга – Катя – упала под поезд на станции метро «Кропоткинская». Я узнала об этом, только когда пришла домой, мне написал Арт – он всегда обо всем узнаёт первым. Он же спросил меня про фотографию в инстаграме. А я даже не знала, о чем он. Полезла в телефон и увидела фотографию, которую я вам посылала. Сперва я подумала, что кто-то взломал мой аккаунт, но потом открыла галерею и нашла там необрезанный кадр, могу его вам показать. – Оса вынула из кармана шорт телефон, вбила шестизначный пароль и показала Мишке фотографию.

Мишка увидела тот же самый кадр, только теперь он был не квадратным, а прямоугольным, так что над головой девушки виднелись крыша вагона метро и потолок станции. Это и вправду делало версию о взломе аккаунта маловероятной, ведь тогда преступнику пришлось бы еще и взломать телефон Осы, чтобы скинуть туда фотографию. Проще, конечно, было бы просто его украсть.

– Расскажите про фотографию, – попросила Мишка, при этом мягко забирая телефон у Осы. Та послушно разжала пальцы.

– Станцию я не знаю, наверное, что-то на красной ветке. И фотографа тоже не знаю, – сказала Оса. Она улыбалась, но недолго, словно отвлекаясь на какой-то приятный звук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.